

О. Л. ЛЕОНИДОВ

Вождь свободы А. Ф. Керенский

На А. Ф. Керенского, на этого тщедушного, щуплого, со стальными, непреклонными глазами скорее юношу, чем мужчину, устремлены сейчас взоры не только всей многострадальной России, но и всего мира, который с тревогой и ужасом следит за исходом настоящего мучительного перелома и в панике спрашивает себя:

— Если не Керенский, то кто же?

Дореволюционная борьба, застенки и нагайки павшего режима выковали этого народного героя, имя которого не только перейдет в историю, но и займет место в лучших народных легендах и сказаниях о «втором смутном времени на Руси».

Говорить, что у Керенского нет одной почки, что у него никуда не годятся легкие, у него больная правая рука, которая все время пухнет... И вот, несмотря на всю эту физическую немощь, которая другого приковала бы к постели, Керенский, не угасая, горит огнем своего пламенного духа, своей неодолимой любви к родному народу, — горит сам, зажигает других и буквально творит чудеса, — весь экзальтированный, весь точно под гипнозом, точно посланный Провидением пророк, который, «обходя моря и земли, глаголом жжет сердца людей».

Имя Керенского стало уже нарицательным. Керенский — это символ правды, это залог успеха; Керенский — это тот маяк, тот светоч, к которому тянутся руки выбившихся из сил пловцов, и от его огня, от его слов и призывов получают приток новых и новых сил для тяжелой борьбы.

Популярность Керенского ни с чем несравнима. С одной стороны, этому надо радоваться, с другой — бояться этого, потому что враги русского народа, враги его первого министра жадно ловят каждое

неправильно истолкованное слово Керенского, жадно хватаются за каждую вспышку его священного негодования, за каждый властный жест, чтобы заговорить подлым, растлевающим языком о Керенском-диктаторе, о Керенском-Бонапарте, который на белой лошади собирается совершить триумфальное шествие по «завоеванной» им России. Врагам Керенского помогают совершенно бессознательно и его самые восторженные поклонники, вся эта необозримая масса обывателей, еще не переродившихся в граждан, растерянно ищущих опоры, мятущихся без твердой власти, без городского и градоначальника, и в Керенском желающих видеть не только гражданина-министра не только волею Божьей народного избранника, но и ту администрацию, которая хотя бы ценой человеческих жизней не допустит разбушевавшуюся толпу нарушить испуганный обывательский покой.

Надо раз навсегда покончить с этими безумными выпадами против Керенского, гласящими, что он собирается быть диктатором или что его власть походит на власть дореволюционных администраторов.

О диктаторстве Керенского могут говорить или безумные, или подлые люди, которые намеренно извращают весь светлый облик этого человека свободы, всеми своими корнями связанного с народом, лучшего сына этого народа, всю свою энергию, весь пламень своего взволнованного сердца черпающего только от народа, из своей безграничной любви к нему. Вне народа Керенского нет; в тот момент, когда он потерял бы связь с народом, Керенский перестал бы существовать.

«Когда вы перестанете верить мне, убейте меня!» — крикнул Керенский рабочим депутатам в первый день своего вступления в Министерство юстиции.

И это не фраза, не цветистый оборот «модного» оратора, а глубокая истина, открывающая всю глубину связанной с народом души министра-социалиста. Такие люди, как Керенский, умеют властвовать, но диктаторами они не бывают. И если Керенский требует сейчас обеспечить ему полноту власти не только на словах, но и на деле, то не потому вовсе, что он хочет узурпировать, захватить власть и направить ее во зло народу, а потому, что в такой ответственный критический момент истории только полнота власти, облеченной доверием народа и армии, может совершить чудо, о котором говорил А. И. Гучков, покидая пост военного министра, и которое удержит страну от безумного прыжка в пропасть, куда должны свалиться разнузданные демагоги, которые,

сея внутреннюю рознь и вражду, в борьбе за личные или партийные интересы, губят народное дело.

Керенский едва ли не самый молодой не только среди министров, но и среди всех членов Государственной думы. Ему 34 года¹. Но на его лице не видно этих лет: оно словно застыло в порыве подвижничества, в юном безудержном порыве, от успеха которого зависит и будущая наша свобода, и будущее всей страны.

Керенский всегда живет нервами, он весь в борьбе, и вне этой борьбы нельзя себе представить Керенского. Никто никогда из самых близких друзей Александра Федоровича не видал его в состоянии покоя или апатии. Он никогда не устает, никогда не складывает оружия, Керенский не знает, что такое отдых, и вовсе не сказка, что в первые дни революции он целыми сутками не отрывался от работы, и на час не ложился спать. Внутренний огонь Керенского, его подъем энтузиаста, — точно мускус, от вспрыскивания которого ярче горит глаза, учащенное бьется сердце и напряженнее становится пульс всех движений, поступков и мыслей. Керенский вечно под властью этого мускуса, и только благодаря ему он может выносить на своих болезненных плечах небывалой тяжести бремя государственных забот, объемлющих судьбы и жизни многих поколений русских граждан. <...>

Многие до сих пор не знали, что Керенский принадлежал к партии социалистов-революционеров, хотя жадно следили за его речами и внимательно вчитывались, вдумывались в каждое их слово; но ни в одном этом слове, ни в одном из брошенных Керенским лозунгов никогда не чувствовалось партийной узости, кружковского шаблона или тривиальности. Устами Керенского говорила сама правда, не знающая ни партии, ни фракции, из его речей кричала исступленным, истерическим криком задавленная народная совесть.

Теперь, когда Керенский стал народным министром, эта правда, эта истина точно стала еще ярче, выпуклее, потому что говорит ее не скромный депутат уездного городка, а тот, кому мы в значительной мере обязаны совершившимся переворотом и кто принял власть из рук самого народа.

Министра Керенского в момент образования Временного правительства называли «заложником демократии», и можно смело сказать, что век формулы советов рабочих депутатов, все эти «постольку» — «поскольку» в конце концов сводились не к тому туманному и часто неясному их содержанию, а к простому: «Мы верим Временному правительству постольку, поскольку Временное правительство работает об руку с посланным нами в его состав това-

рищем Керенским». И вся страна именно так и понимала условные заявления рабочих депутатов.

Теперь, когда образовалось коалиционное правительство, в его состав вошли, кроме Керенского, и другие представители демократии, а потому Керенский перестал быть «заложником», но силой вещей, волей событий он поставлен в самом центре нашей временной власти; он возглавляет ее, как совесть и правда этой власти и всей революционной страны.

Если бы кто-нибудь несколько месяцев назад сказал Керенскому, что он будет русским министром, он, может быть, засмеялся бы, а может быть, и поверил — так как со дня на день, с часа на час он ждал могучей вспышки народного гнева и понимал, кого взнесут на ответственные и страшные посты разбушевавшейся волны революции. Но если бы до революции Керенскому сказали, что он будет министром армии и флота, главой вооруженных сухопутных и морских сил России, Керенский счел бы говорившего так за безумца, ибо как может антимилиитарист, каким был, есть и будет Керенский, становиться во главе армии? Но невозможное вчера стало возможным и неизбежным сегодня, когда миллионы штыков из царского оплота превратились в ожесточеннейших врагов царизма и насилия, когда солдаты «его величества» стали революционной народной армией, ведущей борьбу не за царя и его слуг, не за торжество его реакции и идеалы империализма, а против всего этого за победу демократии, за торжество вечных начал права и справедливости, за мир всего мира и за молодую русскую свободу.

И во главе такой армии мог стать только Керенский, ибо лозунги, возвещенные им, а в его лице — всей революционной демократией, могут воплотиться в жизнь и вылиться в реальные формы только единым усилием и единым порывом оплота революции — русской армии, которая справедливо может быть названа «русским народом».

Напрасно крайние элементы, претендующее на демагогию, стараются изобразить из поездок Керенского по фронту какое-то триумфальное шествие завоевателя; из его речей солдатам и офицерам о необходимости укрепления боеспособности армии — сделать призывы рядового милитариста к «войне для войны», и из всех его приказов, проникнутых единым страстным желанием не допустить развала армии, грозящего гибелью стране, — захватные стремления зарвавшегося властолюбца. Всякий мыслящий человек не может не понимать, куда, кого и зачем зовет Керенский, не может не понимать, как пламенно, как восторженно ждет и жаждет мира этот

министр, все слова и поступки которого направлены только к одному — к скорейшему и верному достижению мира, но не путем братания или попыток к сепаратному перемирию, а исключительно честным и светлым путем, каким только и может идти освобожденная страна, не желающая пятнать своей молодой чести грязью предательства и не способная за 30 серебряников гнусных Иуд продать только что завоеванную свободу.

— Путь к миру один, — сказал мне А. Ф. Керенский во время своего пребывания в Москве: это, с одной стороны, усиление боеспособности нашей армии, а с другой — дипломатические сношения демократии и правительств союзных и враждебных нам стран.

Иного пути нет. Иной путь — путь измены и гибели! И по этому пути Керенский никогда не поведет Россию и не допустит, чтобы она шла к миру недостойной дорогой злостного предательства по отношению к тем, кто вот уже три года, вместе с нами, несет все ужасы, все тяготы беспримерной войны и, обливаясь кровью, защищает с оружием в руках не только свои земли и города, не только свое благополучие, которого уже нет и неизвестно, когда оно восстановится, но и свободу и мощь России, на время отвлеченной от фронта внутренними событиями, сопровождавшими исторический перелом.

Тем, кто обвиняет Керенского в милитаризме, я хочу напомнить слова бельгийского офицера де Мана, ярого социалиста и антимилитариста, сказанные им в Москве.

— Я — антимилитарист, но я на войне, и чем больше я воюю и чем больше вижу ужасов войны, тем сильнее крепну в своем антимилитаризме. Я был очень дружен с Карлом Либкнехтом: нас связывали с ним общие антимилитаристические идеалы. И вот совершилось то, что должно было совершиться: каждый антимилитарист оказался на своем месте — бельгийский в траншеях, немецкий — в тюрьме.

Эти слова должны прозвучать тяжким укором для всех русских «антимилитаристов во что бы то ни стало», которые и не в окопах, и не в тюрьме.

Я слышал Керенского два раза, — и когда он был министром юстиции, и теперь, когда он стал министром военным, приняв от А. И. Гучкова весь ужас, весь кошмар начавшегося разложения армии. И я скажу, что А. Ф. Керенский — военный и морской министр и Керенский — министр юстиции, это точно два разных человека, даже не братья, а однофамильцы.

Теперь Керенский точно переродился.

В бытность министром юстиции он поражал, притягивал к себе неизъяснимым обаянием, приветливой ясной улыбкой, плавной волнующей речью опытного первоклассного адвоката, лоск которого еще не был всецело закрыт суровым закалом политического борца.

Теперь Керенский — весь гроза, весь порыв негодования, весь революционная власть, ее олицетворение и ореол. Фразы его речи отрывисты, они разбиты на отдельные слова, и каждое, как удар набатного колокола. Удары этого набата особенно зловещи потому, что голос Керенского сорван: он говорит с жутким хрипом, кошмарная сила которого еще увеличивается в местах, доходящих до шепота. Мрачным, властным и негодующим взором Керенский смотрит исподлобья сурово, неумолимо, и ни один мускул не вздрагивает в его лице, когда неистовствует от восторга и преклонения тысячная толпа. Он знает цену этим восторгам, он помнит другие неистовства у ног еще недавних, ныне поверженных во прах темных кумиров; Керенский лишь на минуту вскидывает голову, чтобы сверкнуть стальными глазами и тем дать знак к прекращению оваций.

Этот человек не ходит на поводу. Он знает, что значит власть, умеет держать ее в руках и повелевать. Таким должен быть революционный военный министр.

Твердый в сознании правоты совершаемого подвига и опирающийся на миллионы штыков, он не просит их именем, а требует.

Эти слова были сказаны им на продовольственном съезде в Москве. Произнося их, Керенский ударил кулаком по кафедре, и на мгновение вся аудитория замерла.

Брошенную им в лицо черни кличку «взбунтовавшиеся рабы» Керенский заменил теперь другой еще более позорной и оскорбительной кличкой. На продовольственном съезде Керенский назвал «рабами ленивыми» всех тех, кто, подобно девам неразумным, в час прихода жениха останется без масла в светильнике.

Керенский умеет говорить и со взбунтовавшимися, и с ленивыми рабами. С каким обожанием впивались тысячи глаз в эти суровые неподвижные глаза, с каким напряжением каждое ухо ловит удар глухого надрывающегося голоса! И чем сильнее бичует Керенский леность, трусость и предательство, тем восторженнее и громче звучат аплодисменты, точно сладость — самобичевания и самоунижения, та сладость, о которой сказано у поэта:

Но есть упоение в позоре,
И есть в унижении восторг!

На следующий день после продовольственного съезда² я видел А. Ф. Керенского у прокурора судебной палаты А. Ф. Стааля³, где он и жил в Москве. Он приехал после целого ряда митингов, выступлений, после десятка речей.

Было открыто окно в зеленевший свежей листвой сад, яркое солнце золотило подоконник и ровный паркет, по которому так недавно ступали ноги высоких сановников — прокуроров щеголовитовских времен.

Распахнулась дверь, вбежал Керенский с охапкой сирени в руках, весь юный, солнечный, несмотря на усталость, несмотря на десятки только что сказанных речей. Он был в английском френче в желтых крагах, в автомобильном картузе защитного цвета. Правая рука в перчатке у борта френча, левая за спиной.

Здоровается он левой, быстро на ходу, на мгновение пристально впивается в глаза собеседника острым и тяжелым взглядом, который трудно выдержать.

У него торопливая, легкая походка. Отрывисто говорит он не только с трибуны, но и в кругу друзей.

Керенский прошел к обеденному столу, а здесь, в приемной, уже собирались офицеры, солдаты, девушки и женщины, кто за неотложным делом, кто просто поклониться Керенскому — пожать руку, попросить автограф. Через короткое время обед кончился, это были единственные минуты отдыха Керенского за весь день. Рабочий день военного министра длится не 6 и не 8 часов, а в лучшем случае 10–20, а то и все 24.

К Керенскому подошел офицер и передал клятвенное обещание большой организации офицеров и солдат исполнить все приказания министра. Керенский в упор посмотрел на него и крикнул:

— У меня нет приказаний, есть ваш долг!

Эти слова министра ярко, определенно выразили всю линию его поведения, направленную к тому, чтобы только выявить долг, лежащий на каждом, и заставить слабых и неразумных исполнить его.

* * *

За недолгое управление Министерством юстиции Керенский совершил акты чрезвычайной исторической важности: навсегда отменил смертную казнь в России и тем поднял русское правосознание на ту высоту, которая среди взбаламученного моря страстей светит ярким нравственным маяком.

Оценка личности и деятельности Керенского — достояние истории, которая отведет ему почетную страницу в книге русской революции и в творческом пути созидательной работы, по которому пойдет русский народ, перестраивая все и вся на новых свободных началах.

...Тернист путь Керенского, но автомобиль его увит розами. Женщины бросают ему ландыши и ветки сирени, другие берут эти цветы из его рук и делят между собою, как талисманы и амулеты...

Его несут на руках. И я сам видел, как юноша с восторженными глазами молитвенно тянулся к рукаву его платья, чтобы только прикоснуться.

Так тянутся к источнику жизни и света!...

Прошло всего несколько недель, и вот, волею судеб, волею революционного народа, в дни самых тяжелых и решительных испытаний, ниспосланных России и свободе, А. Ф. Керенский встал во главе Временного правительства, — правительства спасения революции. Он принял высокий и ответственный пост министра-председателя.

Теперь в руках Керенского сосредоточена вся полнота власти, ибо возглавляемое им правительство облечено исключительными полномочиями. Новый кормчий крепко и бесстрашно принял в свои руки руль государственного корабля, брошенного в кипучий водоворот безудержной стихии.

С трепетом и замиранием сердца следит каждый за ходом исторических событий, стоящих на грани кризиса и катастрофы. Керенский верит в здравый разум народа — богоносца, верит в таящиеся в недрах его творческие силы, и от них, от их священного подъема ждет торжества начал права и свободы надо всеми безответственными призывами к анархии и произволу.

Керенскому мы обязаны переломом на фронте, той вспышкой революционного пламени, которая озарила нашу свободу 18 июня. Клеймя трусов и предателей, ободряя малодушных и окрыляя героев, Керенский двинул славные полки в наступление.

Германский шпионаж и его верные союзники из наших «шкурников» в ответ на 18-е июня дали позор и ужас 3-го июля, когда зараженные гнусною пропагандой врагов отечества целые воинские части оголяли фронт.

Началась паника. И каждый с ужасом подумал:

— Что же Керенский?

Ждали его отставки, ждали что он скажет: — Нет больше сил! Россия погибла.

Но вместо этого Россия услышала все тот же властный и непоколебимый призыв к подвигу, увидала все ту же веру и все тот же искренний энтузиазм героя-борца.

Керенский уйти не может. И он не уйдет. Потому что он делает не чужое дело, он не наемник, не вожак демократии. Керенский в русском народе, и русский народ в нем.

Грядущий день — за дымовой завесой, грядущий день — за потоками крови, за предательством и подлостью одних и героизмом, самоотверженностью других.

Когда он придет, и долог ли кризис, угрожающий нам гибелью, может предсказать только пророк.

Но пока есть Керенский, есть и должна быть вера в будущее. Верит Керенский, должны верить и мы.

Но одной веры мало. Нужна большая, героическая, творческая работа, нужен подвиг всех и каждого, — и на фронте и в тылу, нужен порыв, огонь, нужна ненависть и презрение ко всем отщепенцам, пытающимся из революции сделать кровавый пир реакции.

Грядущий день в наших руках. Грядущий день в руках народа, покуда он с Керенским, всеми признанным вождем свободы.

Вчерашний заложник демократии во Временном правительстве стал его главой. Неисповедимы судьбы России, как и пути ее. Но да будет оваян свободой, победами и славой путь, по которому ведет нас Керенский!..

